

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

**МАСТЕР
ВЫЖИВАНИЯ**

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Мастер выживания

«Научная книга»

2010

Зверев С. И.

Мастер выживания / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2010 — (Спецназ ВДВ)

Пассажирский рейс номер 966, летящий из Стамбула в Нальчик, не долетает до пункта назначения – ему неожиданно отказывают в посадке, ссылаясь на непогоду, и направляют во Владикавказ. По пути лайнер совершает вынужденную посадку на одном из заброшенных горных аэродромов, но терпит крушение и срывается в глубокую снежную расщелину в скалах. Среди немногих уцелевших – капитан спецназа ВДВ Иван Орловский. Надежды спастись практически нет, но десантник делает все возможное, чтобы сохранить жизнь себе и другим. И все бы ничего, если бы не один странный пассажир, имя которого не значилось в посадочном списке...

© Зверев С. И., 2010

© Научная книга, 2010

Сергей Зверев

Мастер выживания

Когда самолет накренился вперед, в салоне наступило гробовое молчание. Все пассажиры с ужасом в глазах вцепились в спинки передних кресел. И в тот момент, когда общее напряжение готово было превратиться во всеобщую панику, нос самолета медленно пошел вверх и, встав горизонтально, выровнялся по линии горизонта. Две стюардессы ходили по салону и пытались как-то успокоить пассажиров, объясняя, что это всего лишь сильный поток воздуха, который часто бывает в горах, над которыми они сейчас пролетали. И только один человек оставался совершенно невозмутимым. Это был капитан спецназа ВДВ Иван Орловский, возвращавшийся после двухнедельного отдыха.

Полет изначально не заладился. Сначала сердечный приступ у одного из пассажиров, потом его неожиданная смерть, теперь непогода...

* * *

Аэровокзал из стекла и хрома был просторен и производил внушительное впечатление. Разветвляющиеся коридоры вели в элегантные залы ожидания. Целая сеть служебных помещений окружала пространство, отведенное для пассажиров. В вокзале размещались три специализированных ресторана – начиная от зала, где подавались изысканнейшие блюда на фарфоровых тарелках с золотой каймой, и кончая стойками, где можно поесть на бегу. Были здесь и два бара с затемненным уютным освещением и еще один, освещенный неонов, где пили стоя. Дожидаясь своего рейса, пассажир мог, не покидая аэровокзала, купить все необходимое, снять комнату или койку, сходить в турецкую баню с массажистом, постричься, отутюжить костюм и даже умереть и быть похороненным фирмой «Бюро святого духа», которая имела свое отделение на нижнем этаже...

Иван стоял в зале ожидания стамбульского аэропорта и наблюдал за людьми. На улице была тридцатиградусная жара, но большинство людей как будто и не обращали на это внимания, оживленно разговаривая друг с другом. Все ждали объявления посадки и поэтому находились в предвкушении скорейшего возвращения домой. Вот молодая парочка, взявшись за руки, смотрела друг другу в глаза, время от времени нежно целуясь. «Скорее всего, недавно поженились», – думал Иван. Молодая мама пыталась догнать своего малыша, который, тоже чувствуя общее настроение, разыгрался не на шутку и стал убежать.

Какой-то чересчур веселый мужчина приставал ко всем улетающим, что-то радостно объясняя. «Наш, русский», – заключил Иван, глядя на веселого мужика, явно не очень трезвого. Было видно, что окружающие не разделяли его радости, а некоторые даже пытались в резкой форме объяснить, чтобы он не приставал к ним. Но загулявший пассажир нисколько не обижался и продолжал от души веселиться. В какой-то момент мужчина поднял голову, посмотрел на Ивана несколько секунд, потом схватил свою сумку и решительно двинулся к нему. «Блин!» – подумал Иван, видя, что мужик собрался и с ним поделиться своей радостью. До посадки оставалось десять минут, и Орловский решил не «отшивать» веселого гуляку.

– Здорово! – весело сказал мужчина, будто бы увидел старого друга.

– И тебе не болей, – спокойно произнес Иван.

– Меня Стасом зовут, – тот протянул руку. – Я нефтяник.

– Иван. Офицер, – представился Иван.

– Слушай, друг, у меня сегодня сын родился. Выпей со мной, – он достал бутылку водки и пластиковые стаканчики.

– Поздравляю с рождением сына, но пить не буду, – Иван пожал ему руку.

– А что так? Закодированный, что ли? – удивленно спросил мужчина.

– Нет. Я совсем не пью. – Иван посмотрел на часы, понимая, что мужик так просто не отстанет.

– Я тебе налью, а там сам смотри, пить тебе или не пить. – Стас протянул Ивану наполненный стаканчик, выпил и начал наливать снова.

И тут наконец прозвучал приятный голос из динамиков, приглашающий всех улетающих рейсом Стамбул – Нальчик пройти на площадку. Люди, взяв свои чемоданы, двинулись по направлению к турникету.

– Так, я все, – Иван отдал мужчине свой не выпитый стаканчик и пошел вместе с другими пассажирами на посадку.

Он заметил, как молодая мама не может справиться сразу и с чемоданом, и с малышом, и предложил ей свою помощь.

Женщина посмотрела на него с удивлением и, взяв своего малыша на руки, сказала:

– Пожалуйста, если вам не трудно.

Иван чувствовал, что она с интересом смотрит на него. Впрочем, для Орловского это было привычно – еще с юности он привык к женскому вниманию.

Иван был удивительно хорош собой: под метр девяносто ростом, со спортивной фигурой, крепкий, мускулистый. Русые волосы, белозубая улыбка и голубые глаза. Рядом с Иваном все парни начинали нервничать и инстинктивно старались увести подальше от него своих подруг. И, наверное, правильно делали, потому что было в Иване что-то, позволявшее получать непонятную власть над женщинами.

В семнадцать лет он стал чемпионом по боксу среди юношей. Его портреты печатали в журналах, его узнавали на улицах. Журналисты восторженно описывали филигранные приемы и сокрушительные удары чемпиона, а тренеры спорили о том, кто же открыл Ивана. В школе с ним почтительно здоровался за руку директор, мальчишки на улицах заискивали, а девчонки, которые год назад не обращали на долговязого подростка никакого внимания, пускали в ход все свое женское обаяние, чтобы потом похвастаться таким поклонником.

Его тренер, сам в прошлом известный спортсмен, знал цену хвалебным одам, посмеивался над ними и учил своего воспитанника с юмором относиться к подобным вещам. Иван делал вид, что именно так и поступает, но, изучая свое отражение в зеркале, думал о том, что тренер просто завидует ему.

Учился он плохо. Учителя бунтовали на педсоветах, но директор напоминал о престиже школы, и они со скрипом исправляли двойки на тройки. Лишь Татьяна Евгеньевна, молодая, только что с институтской скамьи учительница химии, не шла на компромиссы. Ей и было суждено сыграть большую роль в судьбе Ивана, который и самому себе боялся признаться, что из-за желания увидеть Татьяну Евгеньевну пропустил уже несколько тренировок. И вот однажды на уроке химии Иван, совсем забывшись, уставился на учительницу горящими глазами. Татьяна Евгеньевна вспыхнула, вызвала нахала к доске и несколькими колкими вопросами сделала из него посмешище.

– Что же ты молчишь? – иронизировала она под хихиканье класса. – Кулаками легче работать, чем головой, правда? Нечего сказать, да?

Здесь и разразился скандал. Никто не мог безнаказанно смеяться над Иваном.

– Почему это нечего? – облизнув пересохшие губы, сказал он. – Можем и ответить.

Он подошел к учительнице, рывком поднял ее на руки и, прижав к своей могучей груди, поцеловал в губы. Иван не знал, что она была дочкой какого-то чиновника из администрации, и поэтому ему не мог помочь даже директор. Чтобы как-то уладить скандал, Орловскому выдали аттестат и отправили в армию, благо на тот момент ему уже исполнилось восемнадцать. Прослужив год, Иван поменял свои взгляды на жизнь – из избалованного мальчишки он превра-

тился в бесстрашного солдата (а впоследствии из неопытного срочника – в мудрого офицера). Но от этого женщины не перестали его любить и по-прежнему сходили от него с ума...

Очень часто случайные знакомства потом приводят к повороту в нашей судьбе. «Но это не про нас с ней», – понял Иван, занимая свое место совершенно в другом ряду от понравившейся ему молодой мамыши. Не привыкший расстраиваться по мелочам, он посмотрел в окно и мысленно попрощался с красивой и загадочной Турцией. Когда лайнер побежал по взлетной полосе, Иван помолился, как делал всегда, садясь в самолет. Это, наверное, был единственный случай в жизни, когда он не мог влиять на ситуацию. В случае крушения он не мог взять на себя управление самолетом. Не мог он и возить с собой парашют, хотя за время службы совершил сотни прыжков. Поэтому оставалось только рассчитывать на профессионализм пилотов и на Господа Бога.

Вот и теперь, когда самолет выровнялся, он понял, что ему остается лишь надеяться на то, что они благополучно доберутся до запасного аэродрома, который им предоставляли для экстренной посадки. Об этом сообщила стюардесса, когда они, попав в неожиданно начавшуюся бурю, не смогли приземлиться в нальчикском аэропорту. А ведь когда вылетали из Стамбула, ничего не предвещало беды...

* * *

Ровно в два часа дня началась подготовка к полету. Прежде всего нужно было загрузить еду. За час с четвертью до вылета диспетчер позвонил на кухню и заказал питание в соответствии с числом предполагаемых пассажиров. Сегодня в первом классе будет всего пять свободных мест, зато туристический класс заполнится на три четверти. Первому классу, как всегда, выдавалось шесть лишних порций, туристическому же классу – по количеству пассажиров.

Хотя число пассажиров точно учитывалось, тем не менее, если в последнюю минуту появлялся дополнительный пассажир, он не оставался без еды. Порцию всегда можно взять из специальных шкафчиков, расположенных у выхода на поле. Если пассажир зашел в самолет, когда уже закрывались двери, его питание вносили на подносе следом за ним.

Погружали на борт и ящики со спиртным, которые стюардессы получали под расписку. Пассажирам первого класса спиртное давалось бесплатно. Пассажиры туристического класса платили по доллару за стакан (или соответствующую сумму в рублях), но им неизвестно было одно обстоятельство. Оно заключалось в том, что стюардессы не получали мелочи для сдачи и по инструкции должны давать пассажиру выпить бесплатно. Поэтому те, кто многие годы летал в туристическом классе, пили бесплатно – просто протягивали пятидесятидолларовую бумажку и утверждали, что меньше у них нет.

Пока на борт загружали еду и напитки, шла проверка и других припасов. А на самолете должно быть несколько сот разных предметов, начиная с детских пеленок, одеял, подушек, гигиенических пакетов и кончая Библией. Тем и отличаются сейчас частные авиалинии от государственных. И все это выдается безвозвратно. По окончании полета компания не производит инвентаризации; ни одного пассажира, выходящего из самолета со свертком в руке, не остановят. Если же для нового рейса чего-то не будет хватать, запасы просто пополнят, и всё.

В тот момент, когда в аэропорту началась регистрация, на борт самолета стал поступать багаж. Сданный пассажиром чемодан по системе подачи переправлялся от регистрационной стойки в помещение, находящееся глубоко под выходными воротами, которое грузчики из багажного отделения называли между собой «львиной клеткой». Это название, видимо, возникло потому, что только храбрые или наивные люди способны сдать ценные вещи в багаж. Случалось, что чемоданы, попав в «львиную клетку», пропадали в неизвестном направлении.

В «львиной клетке» за поступлением каждого чемодана наблюдал дежурный. Взглянув на прикрепленный к ручке ярлык с указанием места назначения, он нажимал на соответствующую

кнопку, и автоматический рычаг хватал чемодан и ставил его на платформу рядом с другим багажом, отправляемым тем же рейсом. Затем команда, обслуживающая багажное отделение, переправляла весь багаж на самолет.

Эта система отлично продумана, и все идет хорошо, если она работает без сбоев. К сожалению, часто бывает наоборот. С багажом дело обстоит хуже всего. Ни один пассажир не может быть уверен в том, что его багаж прибывает одновременно с ним, да и вообще благополучно доберется до места назначения. По крайней мере один чемодан из каждой сотни улетает не по адресу, задерживается в пути или теряется. Служащие в аэропортах лишь сочувственно разводят руками – просто уму непостижимо, отчего такая путаница! Специалисты периодически изучают систему регистрации багажа и улучшают ее. Однако никто еще не додумался до создания безупречной системы. Поэтому во всех авиакомпаниях есть люди, которые занимаются только розысками пропавшего багажа. И надо сказать, что они не сидят без дела.

Многоопытный пассажир всегда старается проверить, правильно ли указано место назначения на бирке, которую прикрепили к его чемодану при регистрации. Очень часто на ней значится не тот город. Бирки прикрепляются с поразительной быстротой, и, если ошибка вовремя замечена, их надо тут же сменить. Но даже если с биркой все в порядке, у пассажиров возникает ощущение лотереи, когда его чемодан исчезает из поля зрения.

Вот и решено было послать рейсом «девятьсот шестьдесят шесть» сопровождающего, который мог бы проследить за отправкой одного блестящего чемодана от стойки регистрации до погрузки в самолет. И, соответственно, проследить весь его путь до конечного пункта, до Нальчика, где груз должны были встретить прямо на летном поле.

Высокий парень с восточной внешностью раздобыл себе нагрудную карточку, указывающую на то, что он действительно работает в стамбульском аэропорту, и, беспрепятственно проникнув в багажное отделение, стал помогать остальным грузить чемоданы и сумки в самолет. После того как багаж был загружен, он не стал торопиться с выходом, а, наоборот, спрятавшись среди стеллажей, ждал, пока пустой кар не отъехал от самолета. Никому и в голову не могло прийти, что какой-то грузчик захочет «зайцем» прокатиться в незнакомую страну, поэтому его появление на борту осталось незамеченным. Расположившись в багажном отделении самолета, сопровождающий стал ждать взлета. Неприятный холодок в душе был у него еще некоторое время, но как только авиалайнер тронулся с места и стал выруливать на взлетную полосу, «грузчик» полностью успокоился...

Буквально за несколько минут до объявления посадки на рейс на взлетную полосу вышел подтянутый молодой человек в новенькой синей форме со сверкающими знаками отличия.

Виктор Ревин засунул руки в карманы и забылся на какое-то время, глядя на махину «Боинга-747», чья дюралевая обшивка отражала солнечные лучи. Он подумал, что эта большая железная птица кажется чем-то нереальным. Тяжелая многотонная машина способна поднять в воздух столько людей, повинаясь одному движению его пальцев в нужный момент. И он в ответе за эту махину и за всех этих людей. «Я – Виктор Ревин, второй пилот», – он улыбнулся про себя. Ему нравилась его профессия. Это внушало всем уважение. Что еще нужно современному парню вроде него? Виктор очень серьезно подходил к своей работе и надеялся, что в скором времени и сам станет командиром корабля.

Когда компания «СевКав-АвиаЛайн» Нальчикских авиалиний приобрела этот «Боинг» за приличную сумму, на место командира воздушного судна было много кандидатур. После тщательного отбора осталось двое. Одним из них являлся Михаил Стародубцев. Он был старым опытным пилотом, но часто принимал свои решения, не выполняя приказы диспетчера, поэтому было принято решение сделать проверочный полет в Стамбул и обратно. В управлении на Виктора тоже возлагали большие надежды, и поэтому его послали вторым пилотом в этот рейс. Полет из Нальчика в Стамбул прошел отлично. «Теперь осталось только вернуться обратно, и, если все пройдет нормально, можно будет поздравить Михаила с назначением на

место капитана «Боинга», – думал Виктор, поднимаясь на борт. И где-то в глубине души надеялся, что полет и для него самого станет каким-то значимым. Но этому не суждено было случиться...

Проблемы начались буквально сразу, не успели они подняться в небо. Как только они оторвались от земли, в кабине пилотов зазвенел звонок вызова от стюардессы, причем не один. Такой сигнал не подразумевал никаких происшествий. Михаил нажал кнопку внутренней связи, посмотрев на Виктора, который следил за каждым его движением.

– Кабина слушает, – сказал капитан.

Встревоженный женский голос ответил:

– Капитан, это Лариса. По-моему, здесь у нас сердечный приступ!

– Так вам кажется? Или действительно кому-то плохо в салоне? – спросил Михаил немного нервно.

– Пожилой мужчина. Лена дала ему лекарство, но ему легче не стало.

– Понятно. Спросите, нет ли врача среди пассажиров, – посоветовал командир в приказном порядке.

– Да. На борту оказался врач-терапевт, но он летит с отдыха, и у него с собой ничего нет. Он сказал, что положение серьезное.

– Ладно, Лариса, держи меня в курсе.

– Хорошо, – ответила Лариса и выключила связь.

Когда «Боинг» набрал нужную высоту, Михаил включил автопилот, откинулся на командное кресло и задумался. Угрозило же его получить взыскание, да еще перед самым выбором кандидатур на право управления этим кораблем! Теперь вот еще устроили проверочный полет. И нынче от него будет зависеть, станет ли он, Михаил, пилот с тридцатилетним стажем, командиром «Боинга». Последнее время он словно оказался на маленькой лодке во время шторма, которую бросало на волнах то вверх, то вниз. Все началось с того, что от него ушла жена. В какой-то момент она захотела, чтобы Михаил сделал себе пластическую операцию, сказав, что ей не хочется, чтобы рядом с такой шикарной женщиной, как она, находился человек, который с каждым днем становится все больше похож на дряхлого старика. Стародубцев, конечно, не принял ее просьбу всерьез. А зря. Через месяц жена покинула его дом, и теперь Михаилу приходилось коротать вечера в полном одиночестве. А тут еще после очередного медицинского освидетельствования доктор сказал ему, что обнаружил какое-то затемнение при ультразвуковом обследовании в области паха. Слова доктора сильно напугали Михаила. Доктор попросил позвонить через три дня, когда он проведет более тщательную экспертизу. Сегодня как раз и был третий день, и поэтому Михаил, пока шла подготовка к вылету, решил связаться с доктором и узнать результат.

Пятнадцать минут спустя он сидел в пилотской кабине самолета. Но все его мысли были заняты только что состоявшимся телефонным разговором с врачом.

– Мы обнаружили у вас затемнение в области паха, – начал объяснять доктор. – И я подумал, что вам надо пройти еще одно обследование для подтверждения, но не стал торопиться и устраивать панику.

– Честно говоря, я сильно перепугался, – откровенно признался Михаил.

– Я вас понимаю, капитан, вы же еще не старик.

– Вы говорили о затемнении... – не выдержал Михаил долгих объяснений врача. – Это что? Опухоль?

Михаил приготовился к самому худшему – раку простаты. От страха он сам себе поставил диагноз и решил, что ему потребуется операция. Но он знал, что этим не спасет себя от мужского бессилия. Михаил много раз слышал подобные истории о сложных последствиях. Он не мог себе представить свою жизнь без женщин. И неважно, что после того, как от него

ушла жена, он стал почти монахом. Он знал, что это временно. Но могло стать постоянным. А это уже страшно.

– Рад вам сообщить, капитан, что это всего лишь очередная медицинская ошибка. Вы – абсолютно здоровый мужчина, – сказал доктор.

– Не понял. Вы сказали, что я здоров? – еще не веря до конца в свое счастье, спросил Михаил.

– Да. Полностью. Мне искренне жаль, что я заставил вас волноваться. Еще раз извините.

Михаил с облегчением вздохнул и мысленно поблагодарил Бога за то, что все это оказалось всего лишь врачебной ошибкой. И теперь, проверяя педали управления рулями, пробегая пальцами по клавишам на передней панели, щелкая тумблерами, он сам себе улыбался. Если не считать присутствия проверяющего, то Михаил сейчас чувствовал себя как приговоренный смертник, получивший помилование.

Запустив программу диагностики бортового радиолокатора, он решил сразу по прилете домой сделать то, что так долго откладывал. Он снова станет встречаться с женщинами. Хватит уже горевать о своей бывшей.

Большинство стюардесс жили рядом с аэропортом. Обычно две-три девушки снимали одну квартиру, и те, кто заглядывал к ним, называли эти квартиры «стюардессиными гнездышками». Здесь в часы, свободные от работы, частенько устраивались веселые пирушки, завязывались романы, которые возникали между стюардессами и мужской половиной экипажей.

Как всегда, в начале полета старшая стюардесса Лариса Красавина почувствовала облегчение, когда передняя дверь самолета захлопнулась; еще несколько секунд, и самолет тронется с места.

Как только двери герметически закрылись, воздушный корабль тронулся с места и снова оказался в своей стихии. И перемену эту особенно остро ощущают члены экипажа: они возвращаются в привычную, хорошо знакомую обстановку, в которой могут действовать самостоятельно и умело выполнять то, чему их учили. Здесь никто не вертится у них под ногами, ничто не мешает их работе. Они точно знают свои возможности и пределы этих возможностей, потому что в их распоряжении – приборы самого высокого класса, действующие безотказно. И к ним возвращается уверенность в себе. Они опять обретают чувство локтя, столь важное для каждого.

Даже пассажиры – во всяком случае наиболее чуткие – настраиваются на новый лад, а когда самолет поднимается в воздух, эта перемена становится еще более ощутимой. При взгляде сверху вниз, с большой высоты, повседневные дела и заботы представляются менее значительными. Некоторым, наиболее склонным к самоанализу, кажется даже, что они освобождаются от бременности земных уз. Но у Ларисы Красавиной не было времени предаваться размышлениям подобного рода. Пока остальные четыре стюардессы занимались хозяйственными делами, Лариса по трансляции приветствовала пассажиров на борту самолета. Она старалась, чтобы приторно-фальшивый текст, записанный в руководстве для стюардесс (компания настаивала, чтобы его читали в начале каждого полета), звучал по возможности естественно:

– «Командир и экипаж самолета искренне желают, чтобы в полете вы отдохали и не чувствовали неудобств... Сейчас мы будем иметь удовольствие предложить вам... Если в наших силах сделать ваш полет еще более приятным...».

Поймут ли когда-нибудь руководители авиакомпаний, что большинству пассажиров эти объявления в начале и в конце каждого полета кажутся скучными и назойливыми? Гораздо важнее были объявления относительно кислородных масок, запасных выходов и поведения при вынужденной посадке. С помощью двух других стюардесс, проводивших демонстрацию, Лариса быстро справилась с этой задачей. Самолет все еще бежал по земле. Оставалось только сделать последнее объявление – наиболее неприятное для экипажа. Его произносили перед каждым вылетом из международного аэропорта, будь то Стамбул или Амстердам – неважно.

– «Вскоре после взлета вы заметите уменьшение шума двигателей вследствие уменьшения числа их оборотов. Это вполне нормальное явление, и происходит оно из-за нашей заботы о тех, кто живет вблизи аэропорта и его взлетных полос».

Данное утверждение было откровенной ложью: снижение мощности двигателей являлось не только ненормальным, но и нежелательным. В действительности это было правило зарубежных аэропортов, где ради спокойствия общественного мнения пренебрегали безопасностью самолета и находившихся на борту пассажиров. Поэтому многие пилоты ожесточенно боролись против такого фальшивого утверждения, доказывая его несовершенство. Многие из них, рискуя своим служебным положением, отказывались подчиняться указанию авиакомпании.

Лариса много раз слышала, как командиры в узком кругу пародировали подобного рода объявления:

– «Уважаемые пассажиры! В наиболее трудный и ответственный момент взлета, когда нам необходима вся мощность двигателей и когда дел у нас в кабине по горло, нас заставляют резко сократить число оборотов и производить крутой взлет heavily нагруженного самолета с минимальной скоростью. Это совершенно идиотская затея, за которую любой курсант с позором вылетел бы из авиаучилища. И тем не менее мы проделываем это по приказу наших хозяев, которые тоже вынуждены исполнять эти дурацкие правила зарубежных аэропортов, потому что кучка людей, построивших свои дома вблизи аэропорта, когда он уже существовал, настаивает на том, чтобы мы поднимались в воздух, задержав дыхание. Иначе в противном случае мы, видите ли, нарушаем права человека. Им наплевать на требования безопасности, наплевать на то, что мы рискуем своей жизнью и вашей. Так что мужайтесь, ребята! Пожелаем друг другу удачи и помолимся!»

Лариса улыбнулась, вспомнив об этом. Ставя микрофон на место в переднем салоне, она заметила, что движение самолета замедлилось, – значит, они подрулили к взлетной полосе. Истекали последние минуты, когда еще можно подумать о чем-то своем, потом она уже не будет принадлежать себе. Когда они поднимутся в воздух, не останется времени ни для чего, кроме работы. Помимо выполнения своих непосредственных обязанностей по обслуживанию пассажиров первого класса, Лариса должна еще руководить остальными четырьмя стюардессами.

Самолет остановился. Ларисе были видны в окно огни другого самолета впереди; еще несколько машин выстроилось сзади. Передний самолет уже выруливал на взлетную полосу. Рейс «девятьсот шестьдесят шесть» следовал за ним. Лариса опустила откидное сиденье и пристегнулась ремнем. Остальные стюардессы сделали то же самое – сели на свои места. Шум двигателей нарастал, переходя в рев. Через несколько секунд они поднимутся в воздух.

Пока они катили по рулежной дорожке, Михаил сказал Виктору:

– Я сегодня не намерен выполнять требования насчет шума.

Виктор кивнул в ответ.

Огни в салоне притушены, предполетная проверка закончена. Дополнительное топливо, затребованное Михаилом на случай, если в предвзлетный период они истратят больше обычного, в конце концов оказалось неизрасходованным. Но даже при таком количестве топлива их общая загрузка, по подсчетам, которые второй пилот Виктор только что произвел, не превышала нормы.

Оба пилота настроились на волну наземного диспетчера.

На взлетной полосе «два-пять» прямо перед ними «Боинг-747» получил разрешение подниматься в воздух. Он двинулся вперед, сначала медленно набирая скорость, затем все быстрее и быстрее. И тотчас вслед за этим раздался размеренный голос диспетчера:

– Рейс «девятьсот шестьдесят шесть», выруливайте на взлетную полосу «два-пять» и ждите.

Полоса «один-семь левая» пересекала полосу «два-пять». Одновременное пользование обеими полосами таило в себе опасность, но опытные диспетчеры умели разводить взлетающие

и идущие на посадку самолеты так, что в точке пересечения никогда не могли оказаться два самолета сразу, и вместе с тем не терялось зря ни секунды драгоценного времени. Пилоты, получив информацию, что обе полосы находятся в работе, и учитывая опасность столкновения, со скрупулезной точностью выполняли все указания диспетчеров.

– Говорит рейс «девятьсот шестьдесят шесть». Вырулил на взлетную полосу и жду дальнейших указаний. Вижу идущий на посадку самолет, – доложил Михаил диспетчеру.

Садившийся самолет еще не успел пронестись над взлетной полосой, как снова раздался голос диспетчера:

– Рейс «девятьсот шестьдесят шесть», взлет разрешаю. Давай, давай, друг!

Последние слова не входили в диспетчерскую формулу, но для пилотов и диспетчеров они означали одно и то же: «Ну же, взлетайте, только быстрее! Еще один самолет идет на посадку».

Командир «Боинга» не стал медлить. Он нажал на педаль тормозов, затем сдал все четыре сектора газа вперед почти до упора, давая двигателям полную тягу.

– Уравнять тягу, – приказал он второму пилоту, подбирая между тем положение секторов, при котором все четыре двигателя получали топливо поровну: ровное гудение их постепенно переходило в грозный рев. Когда Михаил отпустил тормоза, «Боинг» рванулся с места.

Второй пилот передал на КДП:

– Рейс «девятьсот шестьдесят шесть» пошел на взлет.

И тут же отдал от себя штурвал, в то время как командир, управляя левой рукой носовым колесом, правой взялся за секторы газа.

«Боинг» набирал скорость. Михаил взял на себя штурвал. Носовое колесо приподнялось, самолет находился в положении отрыва от земли. Еще мгновение, и самолет, набирая скорость, поднялся в воздух.

– Убрать шасси, – приказал Михаил.

Виктор протянул руку и толкнул вверх рычаг на центральной панели управления. Звук убираемого шасси прокатился дрожью по фюзеляжу, и створки люков, куда ушли колеса, со стуком захлопнулись.

Самолет быстро набирал высоту. Еще несколько секунд, и он уйдет в облака.

– Закрылки на двадцать градусов.

Когда закрывки, облегчая набор скорости, слегка приподнялись, самолет на какой-то миг «просел», и возникло ощущение падения в воздушную яму.

– Закрылки убрать.

Теперь закрывки были полностью убраны.

Прошло всего несколько секунд с тех пор, как они оторвались от земли. Продолжая забираться все выше, самолет пролетел над краем взлетного поля. Михаил перестал смотреть в окно и сосредоточил все свое внимание на приборах.

Второй пилот Виктор Ревин, наклонившись вперед со своего кресла, взялся за секторы газа, чтобы уравнять тягу всех четырех двигателей.

В облаках сильно болтало – начало полета не могло доставить пассажирам особого удовольствия.

Еще до того, как самолет поднялся в воздух, никто из пассажиров и членов экипажа рейса «девятьсот шестьдесят шесть» не подозревал, что этот полет для многих из них окажется последним...

* * *

– Посадка в самолет, вылетающий в Нальчик рейсом «девятьсот шестьдесят шесть». Экипаж готов принять пассажиров на борт. Всех пассажиров, прошедших регистрацию, просят...

Разные люди слушали объявление о посадке, и для кого-то оно означало одно, а для кого-то – совсем другое. Для одних оно звучало совершенно обыденно, являлось лишь прелюдией к еще одной скучной деловой поездке, от которой они, будь на то их воля, с удовольствием отказались бы. Для других в нем было что-то многообещающее, манившее к приключениям, а еще кому-то оно сулило скорое окончание отпуска и возвращение домой. Одним оно несло разлуку и печаль, другим, наоборот, обещало радость встречи. Были и такие, которые, слушая это объявление, думали не о себе: улетали их родственники или друзья, а для них самих названия городов звучали загадочно, рождая смутные образы каких-то отдаленных уголков земли, которые они никогда не увидят. Кое-кто слушал объявление о посадке со страхом, и лишь немногие – с безразличием. Объявление было сигналом, означающим, что процесс полета, в сущности, уже начался. Самолет переведен в готовность, пора подняться на борт, ждать больше нельзя. Лишь в крайних случаях авиакомпания задерживали рейс из-за отсутствия какого-либо пассажира. Пройдет немного времени, и самолет окунется в непривычную для человека стихию, взмоет в небо, и именно поэтому объявление о посадке всегда несет в себе привкус приключений и романтики.

Однако в том, как рождаются эти объявления, нет ничего романтического. Их делает машина.

Почти все объявления (если не считать экстренных случаев) даются по ранее сделанным записям. Каждое из них всегда состоит из трех отдельных фрагментов. В первом называются номер рейса и маршрут, во втором говорится о посадке на самолет – предварительное оповещение, начало посадки или ее окончание, в третьем указываются зал ожидания и номер выхода на летное поле. Поскольку все три записи следуют одна за другой без перерыва, они звучат как единое целое.

После объявления о посадке старшая стюардесса рейса «девятсот шестьдесят шесть» приготовилась принять поток пассажиров на борт «Боинга-747».

Как только пассажиры стали проходить в салон, мужчина маленького роста, с небольшой лысиной вышел из очереди пассажиров, прислонился к стене коридора, тяжело дыша. Красивая, высокая, светловолосая стюардесса появилась рядом, как только он облокотился о стенку. Она усадила его на ближайшее кресло, поинтересовалась, что случилось. Это была Лариса Красавина. Даже ее фамилия как будто говорила о том, что девушка относилась к числу тех немногих красавиц, в присутствии которых многие мужчины чувствуют себя неудобно. Посмотрев на это живое воплощение красоты, лысоватый мужчина, заикаясь, произнес:

– Со мной... все в порядке. Спасибо. Мне просто было трудно подниматься по трапу...

– Давайте я помогу вам пройти на место, – любезно предложила Лариса и, не дожидаясь ответа, взяла пассажира под руку.

Она ощутила, как учащенно у него бился пульс, но не придала этому особого значения, так как в такую жару у многих подсакивало давление.

После того как закончилась посадка, в кабине пилотов командир корабля Михаил Стародубцев, подождав десять минут, выругался:

– Какого черта они нас держат?

Оба правых двигателя – третий и четвертый – уже работали. Они еще не были запущены на полную мощность, но их гул и вибрация отдавались в теле самолета.

Несколько минут назад пилоты получили по внутренней связи подтверждение на запуск третьего и четвертого двигателей, однако подтверждение на запуск первого и второго двигателей, расположенных с того борта самолета, где происходила посадка, еще не было получено. В соответствии с существующим порядком эти двигатели не запускаются до тех пор, пока все двери не будут закрыты. Одна красная лампочка на панели приборов, мигнув, потухла две минуты назад – это означало, что задняя дверь надежно закрыта и задняя галерея-гармошка уже отведена от самолета. Но вторая красная лампочка еще продолжала гореть, указывая на то,

что передняя дверь продолжает оставаться открытой, и, бросив взгляд на заднее окно кабины, можно было убедиться, что передняя галерея-гармошка еще не убрана. И в тот момент, когда командир уже хотел вызвать наземного диспетчера, в его наушниках прозвучало подтверждение на разрешение запуска остальных двух моторов.

Передняя дверь в самолете захлопнулась. Красная лампочка в кабине мигнула и погасла. Второй двигатель загудел и перешел на мерное урчание.

– Могу запускать первый двигатель? – ухмыляясь, спросил Михаил в микрофон.

– Запускайте первый.

Галерея-гармошка, словно отрезанная пуповина, отделилась от фюзеляжа и откатилась к зданию аэровокзала.

Михаил Стародубцев запросил по радио у наземного диспетчера разрешение выруливать на старт.

Загудел и заработал первый двигатель.

Командир «Боинга», пилотировавший самолет и занимавший левое сиденье, поставил ноги на педали руля поворотов и носками нажал на тормоз, приготовившись выруливать на взлетную полосу и поднять самолет в воздух.

– Рейс «девятьсот шестьдесят шесть», – говорит наземный диспетчер, – разрешаю выруливать к взлетной полосе.

Причиной задержки послужило состояние одного из пассажиров, у которого прихватило сердце при посадке, но вот только никто не придавал этому особого значения, о чем в первую очередь пожалела старшая стюардесса, после того как они уже поднялись в воздух...

* * *

Лариса встала на колени у головы пассажира, делая ему искусственное дыхание, попеременно вдыхая в рот и надавливая на грудную клетку, позволяя крови нормально циркулировать. Ее волосы слегка растрепались, форма испачкалась, но она не обращала на это никакого внимания, полностью сосредоточившись на спасении пассажира. Лариса делала искусственное дыхание уже больше десяти минут, но, несмотря на обязательные каждодневные тренировки, уже устала. Врач-терапевт, который тоже оказался в этом самолете, наклонился и руководил ритмом движений стюардессы, сетуя на то, что у него с собой не оказалось никаких медицинских препаратов.

Еще одна стюардесса принесла аптечку, в которой находились всевозможные лекарства, но не было дефибриллятора, который мог бы сейчас помочь больному. Еще через пять минут упорных толчков на грудь все услышали что-то вроде вздоха. Доктор сразу отодвинул рукой Ларису в сторону и приложил ухо к ребрам, проверяя слабое сердцебиение. Потом, повернувшись к Ларисе, уверенно произнес:

– Наш пациент все еще жив благодаря вам.

Стюардесса глубоко вздохнула, отерла тыльной стороной ладони лоб и снова принялась за спасение, надеясь, что все-таки удастся дотянуть до посадки в Нальчике.

Ее труды оказались не напрасными – через десять минут мужчина пришел в себя и открыл глаза.

– Где я? – он попытался встать.

– Лежите, лежите, – Лариса придержала его за плечо.

– Мне уже лучше, спасибо, но я хочу встать, – заявил мужчина.

– Ну, хорошо. Давайте я вам помогу, – предложила Лариса, удивляясь такой реакции.

Усадив его на кресло, она принесла воды и на всякий случай еще раз поинтересовалась:

– С вами точно все в порядке?

– Да. Спасибо. Просто прихватило, – смущенно ответил мужчина, оглядываясь вокруг, скорее всего не догадываясь о том, что несколько минут назад у него практически остановилось сердце.

Попросив доктора присматривать за ним, Лариса пошла сообщить командиру, что пассажир пришел в себя.

Через пятнадцать минут она заглянула в салон, где находился сердечник, и, убедившись, что все в порядке, спустилась этажом ниже проверить, как работают ее подчиненные в туристическом классе.

Пройдя между креслами и удостоверившись, что все нормально, Лариса присела на откидное кресло, продолжая наблюдать за пассажирами и стюардессами. Один парень что-то оживленно рассказывал своей соседке по креслу, молодой девушке, отчаянно жестикулируя. Это заинтересовало Ларису, и она, прислушавшись к разговору, поняла, что парень – сноубордист, который едет на Кавказ, чтобы совершить опасный спуск со склона горы Тернао. Он был ослепительным блондином, и Лариса про себя назвала его Альбиносом.

– Лавина может стать для тебя либо источником счастья, либо могилой, – он значительно поднял указательный палец вверх.

– Как лавина? – недоуменно переспросила девушка.

– Да, лавина, – повторил Альбинос. – Во время спуска с горы ты можешь сорвать лавину. В любом случае ты обязательно ее сорвешь, так как ночная метель наносит много снега на склоны. Любая попытка как-то уйти от нее, затормозить или остановиться будет означать для тебя немедленную смерть. Как бы страшно тебе ни было, ты должен продолжать двигаться вместе с лавиной, но намного быстрее по скорости, – продолжал Альбинос, – и тут самое главное не увлечься. У каждой лавины есть свой срок жизни. Бывает короткий, а бывает и длинный. Есть лавины, которые живут всего лишь несколько мгновений, они самые опасные. Но есть другие, которые движутся медленнее и дольше. Вот именно они и оставляют яркие и красочные впечатления. Чем большую скорость набирает такая лавина, тем сильнее сопротивление воздуха, а значит, и выше давление в ее ядре. Но самое главное то, что ты должен добраться до ее ядра только к тому моменту, когда критическое давление начнет с легкостью могучего великана поднимать в воздух десятки тонн снега. И тогда ты сразу почувствуешь, что настал твой момент. Стоя на доске, ты оторвешься от снега и полетишь в воздух. Ты будешь парить на снежных облаках, как настоящий ангел. Это чувство не передать словами. Тебя начинают пьянить скорость и власть над земными стихиями.

Лариса почувствовала легкое волнение от рассказа Альбиноса и необыкновенно ярко и живо представила себя парящей, как ангел, в снежных облаках.

– Главное – не испугаться в самом начале спуска, когда произойдет отрыв лавины, – продолжал рассказывать сноубордист, – потому что он будет сопровождаться сильным грохотом и ветром. Может показаться, что начался конец света, и тогда тебе потребуется собрать всю свою волю в кулак, чтобы не впасть в панику. Постепенно ветер утихнет, и ты будешь мчаться с горы, как бы находясь в вакууме.

Девушка с интересом слушала рассказ, не перебивая, но потом, видно не выдержав, все-таки спросила:

– А как ты к этому пришел?

– Да мы уже несколько лет на таких лавинах катаемся, – немного хвастливо сказал парень.

– Катаемся? – девушка с подозрением посмотрела на Альбиноса. – Но ведь лавина все-таки не лошадь в загоне – когда захотел, тогда и сел. Я думаю, надо знать, где и когда она сойдет?

– Все гораздо проще. Лавину можно запустить самому – к примеру, как шар в боулинге. Например, с помощью небольшого заряда...

Все случилось неожиданно. Самолет сначала влетел в большую темную тучу, и в салоне стало темно и жутко. Было ощущение, что самолет летит ночью. Вдруг за окном блеснула яркая вспышка, и через секунду все услышали раскат грома. Самолет еле заметно качнуло, но этого хватило, чтобы на лицах многих пассажиров появился страх. Когда после раската грома все притихли, послышался шум за окнами. Даже не шум, а какой-то шелест. Это начинался сильный ливень со шквальным ветром...

Сначала был жаркий дымящийся горизонт. Потом маленькое облачко. Буквально на глазах оно расплылось, потемнело, набухло влагой, за клубилось и стало высекать искры напряжением в две тысячи вольт. Молнии прорвали темно-синие клубки туч, и перед самолетом встала водяная стена. В какой-то момент пилотам показалось, что они находятся в подводной лодке.

В наушниках затрещало от близкого грозового разряда, и Михаил поспешно выключил все радиоприборы. Потом повернулся и посмотрел на Виктора. Как ни странно, тот был очень спокоен.

– Надо запросить землю, узнать, как у них с погодой. Нам через час приземляться, – сказал Виктор, не поворачиваясь.

– Слушаюсь, товарищ командир, – съязвил Михаил.

Сейчас в его зрачках отражался голубовато-красный шарик с искусственной полосой горизонта и самолетиком над ней. Авиагоризонт – главный прибор «слепого» полета. Самолетик плавно колыхнется над черточкой, и так же плавно пробивает толщу облаков мощный «Боинг». Звездочками светятся крупные дождевые капли, разбиваются о стекла и убегают вниз и в стороны. Шум мотора приглушенный, тяжелый.

* * *

Илья Семенович Штольц уже отработал свою восьмичасовую смену в радарной командно-диспетчерского пункта, оставалось только принять последний рейс из Стамбула. Постороннему наблюдателю, не понимающему, о чем говорят все эти экраны, могло показаться, что ливень со шквальным ветром, бушующий за стенами диспетчерской, на самом деле разыгрался за тысячу километров отсюда.

Радарная КДП находилась в башне, этажом ниже застекленного помещения – так называемой будки, откуда руководитель полетов давал указания о передвижении самолетов на земле, их взлетах и посадках. Власть же тех, кто сидел в радарной, простиралась за пределы аэропорта: они отвечали за самолет в воздухе, после того как он выходил из-под опеки наземных диспетчеров.

В отличие от верхней части башни, радарная не имела окон. Днем и ночью в аэропорту Нальчика диспетчеры работали в вечной полутьме, при тусклом лунном свете экранов. Все стены вокруг них были заняты всякого рода оборудованием: экранами, контрольными приборами, панелями радиосвязи. Обычно диспетчеры работали в одних рубашках, поскольку температура и зимой, и летом была одна и та же – около двадцати восьми градусов, чтобы не портилось капризное электронное оборудование.

В радарной принято держаться и говорить спокойно. Однако это внешнее спокойствие скрывает непрестанное напряжение. Сейчас это напряжение было сильнее обычного из-за внезапно разыгравшейся непогоды. Создавалось впечатление, будто кто-то до предела натянул и так уже натянутую струну.

Экран, на котором сейчас сосредоточилось все внимание диспетчера, представлял собой стеклянный круг величиной с велосипедное колесо, вмонтированный в крышку консоли. Стекло было темно-зеленым, и на нем загоралась ярко-зеленая точка, лишь только какой-нибудь самолет появлялся в воздухе на подлете к аэродрому. По мере продвижения самолета продвигалась и точка.

Илья Семенович сидел на сером стальном стуле у самого экрана, пригнув к нему длинное тощее тело. В его позе чувствовалось предельное напряжение: ноги так крепко обхватили ножки стула, что, казалось, приросли к нему. В зеленоватом отблеске экрана его глубоко запавшие глаза были как два черных провала. Всякого, кто не видел его хотя бы год, поразила бы произошедшая с ним перемена. Изменилось все: и внешность, и манера держаться. От прежней мягкости, добродушия, непринужденности не осталось и следа.

Его коллеги, в том числе и Ольга Васильевна, работавшая с ним в радарной, разумеется, заметили эту перемену. Знали они и ее причину и искренне сочувствовали Илье Семеновичу. Но их работа требовала точности.

Неожиданно в наушниках второго диспетчера прозвучал голос командира «Боинга». Ольга Васильевна с напряжением слушала то, что скажет сейчас пилот рейса «девятьсот шестьдесят шесть», так как этим рейсом летела ее единственная дочь Леночка....

– Борт «девятьсот шестьдесят шесть» вызывает диспетчера, – проговорил в микрофон Михаил спокойным голосом.

– Диспетчер слушает, говорите, «девятьсот шестьдесят шесть», – ответили почти сразу.

– Мы подлетаем. Сообщите погодные условия, – командир посмотрел на Виктора.

– Сейчас на Каспии зарождается циклон, который, по всем прогнозам, будет у нас через два часа. Но я думаю, вы успеете, – объяснил обстановку диспетчер. – Остальные рейсы мы отложили на завтра. Как поняли?

– Вас понял, – ответил Михаил и посмотрел на часы. До посадки оставалось пятьдесят пять минут.

Смотря на погоду за окном, он вспомнил, с чего начинался его путь в летчики.

Пацаном Миша мечтал прорываться сквозь штормы, в компании отчаянных татуированных парней брать на бордаж неприятельские корветы, поднимать свой флаг на реях победленных судов. Эту мечту ему навяли книги, прочитанные запоем. Но однажды он спросил отца: «А куда все время плывут облака?» Оказалось, что жизнь неба тоже таинственна. Люди, покоряющие пятый океан, умны и дерзновенны. Они, как и моряки, прокладывают свой путь к звездам. Люди-птицы...

А позже, когда он уже учился в летном училище, мать рассказала притчу, которую Михаил запомнил на всю жизнь.

Старый беркут жил в каменистых грядках Тянь-Шаня. Любил он кружить над теплыми отрогами, грудью врезаться в восходящие потоки воздуха и замирать с распростертыми крыльями. Раньше он очень боялся грозы. Но однажды Илья-пророк, громохвая своей колесницей, увидел его удирающим в гнездо и гневно спросил: «Кто твой предок, трусливая птица?» Орел не знал или забыл: ведь он жил уже сто лет. И Илья сказал ему укоризненно: «Твой предок сотворен из куса грозовой тучи». С тех пор орел летал и в грозу. Он парил рядом с косматыми тучами, гордился, что они закрывают даже само солнце, врезают в землю молнии, рушат своими потоками воды гранитные скалы. Кроме него и туч, в небе не было никого. Но вот подошло время, когда орел понял, что летать ему осталось совсем недолго. Настоящие орлы не умирают в гнезде, и он ждал дня, когда покатится колесница Ильи, чтобы взмыть последний раз. И такой день настал. Орел взлетел и... увидел под черным облаком другую птицу, огромную, длиннокрылую. Орел сложил крылья и начал падать на врага, посмевавшегося занять его небо. Он ударил грудью, но большая птица продолжала лететь. Орел падал, пытаясь удержаться на перебитых крыльях. И уже перед самой землей орел открыл глаза, чтобы посмотреть на своего врага, и увидел, что тот продолжает лететь. И потухла ярость в груди седого орла. «Он достоин занять мое место в небе», – подумал мудрый орел и упал на скалы.

– Это летел самолет? – спросил Михаил у матери, и она утвердительно кивнула головой.

С тех пор каждый раз, поднимаясь в небо, Михаил сравнивал себя с могучей железной птицей, которой нипочем любые дожди и грозы. Сегодняшний полет не был исключением. Попад в сильный ливень, он чувствовал себя спокойно.

Неожиданно сработал звонок внутренней связи. Стародубцев посмотрел на Виктора, потом снял трубку:

– Командир слушает.

– Это Лариса.

Услышав такой ответ, Виктор еле заметно дернул бровью. Но это движение не ускользнуло от Михаила.

– Доложите по форме! – резко сказал командир.

– Есть! Старшая стюардесса Лариса Красавина. Разрешите обратиться?

– Разрешаю, – уже спокойнее произнес Михаил.

Он ничего не имел против этой красивой девушки, да и вообще считал, что обращение по форме не всегда подходит для людей, которые уже несколько лет работают вместе.

– Больной пассажир чувствует себя нормально, но врач сказал, что пусть на всякий случай нас встречает «Скорая помощь».

– Хорошо, я сообщу об этом диспетчеру. Через двадцать минут всем приготовиться к посадке. И не забудьте проверить, чтобы все были пристегнуты, – распорядился Михаил.

– Слушаюсь, – ответила Лариса наигранно послушно, и он понял, что она не обиделась на него за резкость.

Выключив внутреннюю связь, командир стал вызывать командно-диспетчерский пункт.

– Рейс «девятьсот шестьдесят шесть» вызывает диспетчера. Ответьте.

– Диспетчер слушает вас. Говорите, «девятьсот шестьдесят шесть».

– У нас на борту больной, нуждающийся в медицинской помощи. Просим, чтобы при посадке нас встречала «Скорая помощь», – чеканя каждое слово, объяснил командир.

– Вас понял. Отбой, – быстро отключился диспетчер.

Михаил посмотрел на часы. До снижения оставалось пятнадцать минут. Сняв наушники, он откинулся в кресло и закрыл глаза. А ливень тем временем усиливался с невероятной силой. Эта погода многим из пассажиров подпортила настроение, одним из которых был молодой мужчина, который, сидя в кресле возле окна, нервно грыз ногти.

«Еще и этот дождь, вдобавок ко всем моим злключениям, – подумал Никита, посмотрев в круглое окно иллюминатора. Зачем надо было лететь именно этим рейсом? Глупо. Кому я что доказал? Сразу было понятно, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Надо было дожидаться конца путевки и вместе со всеми вернуться назад. Так нет. Как же! Позвонила Леночка, и вот я уже в самолете. Лечу, любимая! Мало того что все указывало на то, что сегодня мне не надо лететь, так еще и придется мокнуть под дождем, пока доберешься из аэропорта. Ведь чувствовал, что не надо этого делать, а все равно сделал наперекор судьбе. Что это? Безволие?» Но он себя безвольным не считал. Или не хотел в этом признаться. Ведь, по сути, большая воля – не только умение чего-то пожелать и добиться, но и умение заставить себя отказаться от чего-то, когда это нужно. «Сто процентов, вся эта затея выйдет мне боком», – продолжал рассуждать Никита. Он еще раз вспомнил, как начиналось сегодняшнее утро.

Проснувшись, он посмотрел на часы и понял, что проспал. Потом, наспех собрав свои вещи и уже выходя из гостиничного номера, обнаружил, что ключ куда-то подевался. Громко выругавшись вслух, поставил сумку и стал искать этот проклятый ключ, отодвигая тумбочки и заглядывая под кровать. Как назло, его нигде не было. Никита сел прямо на пол и, посмотрев на часы, еще раз выругался. До рейса оставалось меньше часа. Если бы он прямо сейчас сел в такси, то, возможно, еще успел бы, но без ключа он не мог этого сделать. Еще при поселении в гостиницу администратор сразу предупредила его, что за утерю ключа он должен будет заплатить двести долларов. Тогда в предвкушении приятного отдыха, который его ожидал, он

с легкостью согласился. И вот теперь сидел на полу и думал, как выйти из этого положения, ведь в кармане у него осталось ровно как раз двести долларов. План созрел сам собой. Вскочив на ноги, Никита вызвал отельного носильщика. Отдавая ему сумку, он объяснил, что сейчас спустится, и стал делать вид, будто бы закрывает дверь. Проводив глазами носильщика, Никита, подождав несколько минут, рванулся ко второму лифту. Спустившись вниз, он увидел носильщика возле администраторской стойки и понял, что его план провалился. У них здесь была круговая порука; кроме того, все отлично знали русских туристов, за которыми нужен глаз да глаз. Молодой турок-носильщик и грузная русская женщина-администратор стояли и смотрели на него вопрошающими взглядами. Потом ему пришлось еще долго объяснять, что он не терял ключ и что, скорее всего, тот находится в номере, но у него просто нет времени искать, так как он опаздывает на самолет. Они стояли и слушали его с совершенно равнодушным видом. В конце концов Никите пришлось подняться в свой номер и после долгих поисков все-таки найти злополучный ключ. Выходя из гостиницы, он посмотрел на часы и понял, что уже опоздал на самолет, но снова возвращаться в гостиницу после всего произошедшего он не собирался и поэтому решил во что бы то ни стало постараться сегодня же улететь домой. Но на этом неприятности не закончились. В кассе аэропорта сообщили, что следующий самолет в Нальчик будет только завтрашним утром, и Никите ничего другого не оставалось, как провести ночь в зале ожидания. Поискав глазами подходящее место, он увидел симпатичную девушку и решил присесть рядом с ней, чтобы хоть как-то скрасить свое ожидание.

Молодой человек заметил, как девушка с интересом посмотрела на него, когда он садился рядом с ней на свободное кресло, и Никита принял это как знак.

– Извините, вы не знаете, где здесь поблизости есть какое-нибудь кафе, где можно попить холодных соков, а то что-то жарко сегодня?

Девушка повернулась и посмотрела ему прямо в глаза, улыбаясь уголками своих красивых губ.

– Знаю. Я как раз сама собиралась выпить чего-нибудь холодненького. Могу проводить, – удивила она Никиту своим предложением.

Вообще-то он не был каким-то ловеласом по жизни и, конечно же, не верил в любовь с первого взгляда, но в этой девушке со странным именем Ляля было что-то притягательное. Темно-карие глаза буквально завораживали Никиту. Жаль, что все так закончилось. Вернувшись в зал ожидания, он в какой-то момент понял, что ему надо сходить в туалет. Извинившись, он оставил Лялю со своей сумкой, а когда вернулся, то обнаружил, что девушка пропала вместе с его вещами. Хорошо еще, что билет и паспорт лежали у него в кармане. Кляня себя за свое легкомыслие, он провел оставшиеся сутки в полном одиночестве, ни с кем не общаясь.

Помятый и невыспавшийся, Никита прошел в салон «Боинга» и практически упал в свое кресло. Все еще держа в руках билет, он обратил внимание на номер рейса. Покрутив его вверх ногами, увидел, что этот номер не что иное, как закодированное число дьявола. Никита приготовился к самому ужасному развитию событий.

Когда стюардесса вышла и сообщила, что самолет пошел на посадку, он немного расслабился. И вот сейчас, посмотрев за окно, ничего там не увидел. Сплошная водная штора застилала иллюминатор с внешней стороны. Сильный дождь и черные тучи скрывали от пассажиров все, что творилось внизу. Было такое ощущение, что самолет падал в никуда. Осмотревшись вокруг себя, Никита увидел перепуганные лица пассажиров, и ему стало не по себе.

Но если пассажиры могли надеяться на пилотов, то самим пилотам надеяться было не на кого.

– Диспетчер, ответьте. Вас вызывает борт «девятьсот шестьдесят шесть». Просим предоставить нам полосу для приземления, так как мы начинаем снижение и у нас плохая видимость.

– Вас понял, – ответил диспетчер.

– Что со «Скорой помощью»? Вызвали? – спросил Михаил на всякий случай, прекрасно понимая, что по-другому и быть не может.

– Да. Карета «Скорой помощи» ожидает на взлетной полосе.

После этого диспетчер дал указания снижаться до трех тысяч метров и повернуть на сто восемьдесят градусов. Сегодня «Боинг-747» будет последним самолетом, который сядет в нальчикском аэропорту, так как из-за надвигающегося циклона все остальные рейсы были отменены или отложены. «Значит, сегодня я смогу уйти с работы пораньше», – подумала Ольга Васильевна, которая вот уже пять лет работала диспетчером в «СевКав-АвиаЛайн». Но и ее мечтам не суждено было сбыться, так как последующие события превратили жизнь многих людей в кошмар...

* * *

Ольга Васильевна посмотрела на Илью Семеновича, и тот кивнул головой. Он знал, что в их работе бывают такие моменты, когда нужно напрячь все силы. Это умение было особенностью их профессии. Илья Семенович за пятнадцать лет работы в службе наблюдения за воздухом часто видел, как это происходило.

Вместе с умением обострять мысли и чувства от диспетчера требовались еще собранность и железное спокойствие. Эти два требования, трудно совместимые в одном человеке, изнурили нервную систему и в конечном счете разрушали здоровье. У многих диспетчеров развивалась язва желудка, но они тщательно скрывали это от начальства, боясь потерять работу.

В нальчикском аэропорту, как и в любом другом, внештатные ситуации возникали по несколько раз в день. Они могли произойти в любую погоду – не только в такой неожиданно начавшийся ливень, как сегодня, но и при голубых небесах. Об этом узнавали лишь немногие, потому что, как правило, все завершалось благополучно, и даже пилотам в воздухе далеко не всегда сообщали, почему тому или иному самолету не дают посадку или принято решение изменить его курс. Во-первых, им вовсе необязательно было об этом знать, а во-вторых, не хватало времени давать по радио подобные объяснения. Зато наземные службы – аварийные команды, «Скорая помощь», а также руководство аэропорта оповещались немедленно, и тут же принимались меры в зависимости от категории бедствия. Первая категория была самой серьезной и в то же время самой редкой, поскольку бедствие первой категории означало, что самолет разбился. Вторая категория предполагала наличие опасности для жизни или серьезных повреждений. Третья категория, которая складывалась сейчас, являлась просто предупреждением: соответствующие службы аэропорта должны быть наготове, так как их услуги могут понадобиться в любой момент. Так думал Илья Семенович, уверенный в своей правоте, судя по последним метеосводкам. Но все оказалось иначе...

А началась авральная ситуация с того момента, когда на командно-диспетчерский пункт зашли двое мужчин, которые и определили ход дальнейших событий. Одним из них был директор аэропорта Хасан Ибрагимович Давлетов. При виде второго Ольга Васильевна почувствовала, как по ее спине пробежал неприятный холодок. Это был «хозяин». Так его называли все работающие здесь, и она в том числе. Высокий широкоплечий кабардинец Аслан Томаев был владельцем всего, что здесь находилось. Молодой ответственный бизнесмен, всегда привыкший быть в курсе всех дел, он не прощал никому халатного отношения к своей работе. Одним движением руки он увольнял людей, не считаясь с их опытом или выслугой лет, поэтому, увидев его, Ольга Васильевна начала лихорадочно вспоминать, где она могла допустить ошибку. Неожиданно раздавшийся голос в наушниках заставил ее моментально включиться в работу.

– Диспетчер, это рейс «девятьсот шестьдесят шесть». Вижу аэропорт. Обозначьте глиссаду.

Ситуация была не из легких. В такую сложную нелетную погоду надо было корректировать каждое движение самолета, поэтому Ольга Васильевна стала четко отдавать команды «Боингу», не обращая внимания на мужчин, стоящих сзади.

– Рейс «девятьсот шестьдесят шесть», приготовьтесь к посадке по приборам, посадочная полоса «три-пять». Поворачивайте вправо, курс три-два-ноль, и свяжитесь с посадочным маяком. Вызовите КДП, проходя над внешним радиомаркером.

– Рейс «девятьсот шестьдесят шесть», параметры посадки заданы, командно-посадочный пункт пойман, – Михаил наклонился, чтобы, переключив маленький рычажок, перейти с теперешней частоты на внутреннюю связь, но, как всегда, задержался на тот случай, если диспетчеру понадобится сказать еще что-то. На этот раз голос диспетчера вернулся почти сразу, и он почувствовал в нем волнующие, но настойчивые нотки.

– Рейс «девятьсот шестьдесят шесть», вы еще здесь?

– Да, – ответил Михаил.

– Мы должны изменить ваш курс, командир, – она подчеркнула последнее слово.

Голос диспетчера на мгновение исчез, и Михаил услышал другой голос, мужской, через неотключенный микрофон – из-за того что диспетчер не сняла палец с кнопки передатчика. Были слышны только отдельные фразы, но по ним Михаил понял, что посадку им не разрешают. Через минуту он услышал голос диспетчера...

Илья Семенович не сомневался и где-то даже был уверен, что опытный пилот Стародубцев сможет посадить самолет в такую погоду, но не стал спорить с начальством, которое решило почему-то отправить его в режим ожидания. Последнее время ему вообще ничего не хотелось, он все чаще и чаще стал задумываться: сколько еще сможет выдержать его усталый мозг? Ему недавно исполнилось сорок восемь. Он работал диспетчером почти полтора десятка лет. Самым неприятным моментом было то, что, хотя на этой работе человек к сорока пяти – пятидесяти годам полностью изнашивается и чувствует себя стариком, до выхода на пенсию остается еще десять-пятнадцать лет. Многим воздушным диспетчерам это оказывалось не под силу, и они не дотягивали до конца.

Илья Семенович знал, как знали и другие диспетчеры, что о влиянии их работы на организм уже давно официально известно. У врачей, которые наблюдают за состоянием здоровья авиационного персонала, накопились горы материалов на этот счет. В числе болезней, являвшихся прямым следствием профессии диспетчера, фигурировали: нервное истощение, стенокардия, язва кишечника, тахикардия, психические расстройства и множество других, менее тяжелых заболеваний. Он как-то видел записи одного врача: «Диспетчер проводит долгие ночи без сна, раздумывая, каким чудом ему удалось удержать столько самолетов от столкновения. За истекший день он сумел избежать катастрофы, но будет ли удача сопутствовать ему и завтра? И вот через какое-то время что-то в нем отказывает – происходит изменение в его физическом и психическом состоянии».

Илья Семенович посмотрел на Ольгу Васильевну, и ему вдруг вспомнилась Наташа. Он вздохнул. Последнее время между ними стали возникать ссоры из-за его работы. Жена то ли не могла, то ли не хотела его понять. Ее очень беспокоило его здоровье. Она хотела, чтобы он бросил эту работу и, пока еще не совсем растратил своей силы, нашел себе другое занятие. Он понимал теперь, что зря делился с женой сомнениями, зря рассказывал о своих коллегах-диспетчерах, преждевременно состарившихся или ставших инвалидами. У него же были собственные соображения, мешавшие ему расстаться с работой, перечеркнуть все эти годы, когда он совершенствовался и набирался опыта, – соображения, которые его жене, да и, наверное, любой другой женщине трудно будет понять. Даже если тебе и очень хочется, нельзя вот так все бросить и уйти с работы. Особенно если у тебя семья, дети, которых надо учить. А тем более когда для своей работы ты терпеливо накапливал знания, которые нигде больше не сможешь применить. Есть профессии, позволяющие человеку перейти на другое место и

там использовать свой опыт. Для воздушного диспетчера это исключено. Его специальность больше нигде не нужна.

Сознание, что ты находишься в капкане (а именно так обстояло дело), приходило вместе с другими разочарованиями. В их числе была и оплата труда. Когда ты молод, полон сил и энергии, горишь желанием работать в авиации, зарплата воздушного диспетчера кажется тебе приемлемой и даже высокой. И только потом, позже начинаешь понимать, насколько она не соответствует той страшной ответственности, которая лежит на тебе. В воздушном флоте наиболее ценными специалистами сейчас являлись пилоты и диспетчеры. Все были убеждены, что пилотам меньше платить нельзя. Но даже летчики, известные своим эгоцентризмом и умением постоять за себя, считали, что воздушные диспетчеры должны получать гораздо больше.

Да и перспективы продвижения по службе у воздушного диспетчера не слишком блестящие. Постов старших по группе очень немного, и лишь редкие счастливики получают их, да и то по знакомству или по блату. И тем не менее – если ты, конечно, не легкомыслен и не относишься наплевать к делу, что для диспетчера вообще исключено, – никуда отсюда не уйдешь. Поэтому, решил Илья Семенович, и он не может никуда уйти. Придется еще раз поговорить с женой: пора ей смириться и понять, что перемены невозможны. Да и не намерен он в этом возрасте заново пробивать себе дорогу в жизни.

И тут от размышлений его оторвал голос Ольги Васильевны:

– Рейс «девятьсот шестьдесят шесть». Из-за плохой видимости и шквального ветра разрешение на посадку временно отменяется. Из-за плохой погоды есть вероятность опасного приземления самолета. Прошу вас повернуть влево, курс двести семьдесят градусов, и перейти в режим ожидания. Как поняли?

– Вас понял, диспетчер, но прошу не забывать, что у нас на борту человек с сердечным приступом, ему необходима медицинская помощь, – уже начиная нервничать, сказал Михаил. «Вечно они перестраховываются», – подумал он про себя.

– Мы помним о вашем больном, но тем не менее вам придется подождать окончательного решения.

Михаил все понял и от этого еще сильнее разозлился. Он не любил, когда в работу вмешивалось начальство. Сейчас, независимо от погоды, он смог бы посадить самолет без всякой опасности для пассажиров, в этом он был точно уверен. Но ему пришлось подчиниться и перейти в режим ожидания.

Виктор посмотрел на свои часы и с некоторым сожалением подумал, что, скорее всего, сегодняшнее свидание придется отложить до лучших времен. Эта погода испортила все его планы на вечер. А ведь именно сейчас он решил, что наконец-то пригласит Викторию к себе домой и...

Ему нравилась эта девушка, хотя, конечно, если честно, он слабо представлял ее в роли своей будущей жены. С ее запросами на жизнь он должен будет зарабатывать в два раза больше, несмотря на то что теперешняя его зарплата намного выше средней. Он мог себе позволить раз в неделю посидеть в хорошем ресторане, спустить немного денег в зарубежном казино, да и одевался не с китайского рынка. Но Виктория относилась к числу тех женщин, которые привыкли, что их каждый день чем-то приятно удивляли находящиеся рядом мужчины.

«Нет, она мне явно не подходит», – думал Виктор, смотря в лобовое стекло самолета. «Но, черт побери, как же она была красива!» – ловил он себя на мысли, вспоминая ее внешность. Он всегда стремился обладать такими вещами, которые бы выделяли его из толпы. Это же касалось и женщин. Он не любил примитивных простушек, предпочитая им неприступные крепости гордых красавиц, требующих длительной осады.

Виктория была из этой породы. Высокая, красивая, грациозная, как пантера, она вела себя так, будто весь мир уже лежал у ее ног. В каком-то смысле так и было. Когда он увидел ее в первый раз сидящей за игровым столом в казино, куда любил заходить, то сразу обратил

внимание. А когда она встала, чтобы уйти, у него даже речь отнялась при виде ее фигуры. Она была словно высечена из дорогого камня умелым скульптором, казалась не земным существом, а богиней из древнего мифа. Все мужские взоры следили за каждым ее движением, и она, конечно, знала об этом. Было видно, что такая оценка ее достоинств доставляла ей наслаждение. В тот вечер Виктор не осмелился к ней подойти, потому что она была не одна...

Командир «Боинга» заметно нервничал в ожидании новых указаний, перебирая разные варианты, не зная о том, что внизу уже все давно решили, еще до того, как он пошел на посадку. И теперь оставалось лишь уточнить некоторые технические моменты.

* * *

Любой аэропорт – сложный механизм, и управлять им нелегко. Нет такого человека, который отвечал бы за все, но и самостоятельно функционирующих участков тоже нет: все здесь переплетено и взаимосвязано. Как управляющий аэропортом, Хасан Ибрагимович обладал полной властью, и тем не менее оставались такие секторы, в работу которых он старался не вмешиваться. Одним из них являлся диспетчерский пункт.

Когда Хасану Ибрагимовичу принесли последние метеосводки, он сразу же позвонил «хозяину». Начавшийся на Каспии циклон двигался на северо-запад, а значит, если верить прогнозам, через час должен был оказаться здесь. Конечно, можно было предположить, что циклон растеряет всю свою силу на море и к ним дойдут лишь небольшие осадки, но не хотелось рисковать. Они с Асланом были не только близкими родственниками, но также и деловыми партнерами. Поэтому, получив сводку из метеослужбы, Хасан набрал номер «хозяина»:

– Аслан, здравствуй.

– Да, я слушаю. Что-то случилось? – сразу насторожился Аслан, зная, что Хасан не будет беспокоить его по пустякам.

– У нас непредвиденная ситуация, – начал начальник аэропорта, все-таки еще сомневаясь в правильности своего решения.

– Что за ситуация? Говори по существу! – повысил голос «хозяин», хотя он был и младше по возрасту своего родственника.

– К нам с моря надвигается циклон, и наше предприятие может оказаться под угрозой, – начал объяснять Хасан, сделав ударение на слове «предприятие».

– Я сейчас приеду, – перебив его, сказал Аслан и положил трубку.

«Лучше перестраховаться, чем потом за это отвечать, – подумал Хасан, убирая в карман телефон. – Все было нормально, откуда взялся циклон?»

Начавшийся час назад дождь усиливался с каждой минутой.

Когда в кабинет зашел Аслан, начальник аэропорта разговаривал по телефону с синоптиками.

– Насколько это верный прогноз? Мне нужны максимально точные сведения, а не предположения. Хорошо, я буду на связи, – Хасан положил трубку, увидев Аслана.

– Рассказывай, что случилось? – спросил «хозяин» в приказном порядке.

– Если погода не поменяется, мы не сможем посадить «Боинг», – объяснил Хасан, посмотрев на окно, за которым лил дождь.

– Прогноз точный?

– На девяносто процентов.

Аслан задумался на какое-то время и даже прошелся от стола к двери. Потом, резко остановившись, посмотрел на Хасана и спросил:

– Где сейчас самолет?

– Уже подлетает.

Было заметно, что Аслан очень нервничал. Хасан прекрасно понимал его состояние, так как на карту сейчас было поставлено все. В случае неудачного приземления самолета их компания могла не только потерять лицензию, но также потерпеть миллионные убытки. Но даже это можно было бы пережить, если бы на борту «Боинга» сейчас не находился неучтенный груз, который, если что, сразу обнаружат в ходе следствия. За такие дела легко угодить на долгие годы в места не столь отдаленные. И начальник аэропорта тоже не избежит этой участи. Поэтому он не торопил «хозяина», давая ему возможность принять правильное решение. Наконец Аслан, повернувшись к нему, озвучил свои мысли.

– Значит, так. Судя по погоде и учитывая последние сводки, мы должны отправить наш самолет на запасной аэродром, – он внимательно посмотрел на Хасана. – Сам понимаешь, мы не можем сейчас рисковать. Легче будет выплатить небольшую компенсацию пассажирам, чем оказаться за решеткой.

– Согласен, – ответил Хасан, – нужно дать указания диспетчеру.

Он потянулся за телефоном.

– И надо дожидаться самых последних метеосводок, чтобы не просчитаться, – добавил Аслан.

Когда они зашли в командно-диспетчерский пункт, от Хасана не ускользнул испуганный взгляд Ольги Васильевны. Но как только прозвучал голос капитана «Боинга», она снова включилась в работу. Все случилось так быстро, что они даже не успели ее предупредить о том, что собираются отменить посадку, поэтому им пришлось дожидаться конца связи. Только потом они обратились к ней.

– Где сейчас рейс «девятьсот шестьдесят шесть»? – спросил начальник аэропорта.

– Я вывела его на глиссаду, – ответила Ольга Васильевна, посчитав их приход внезапной проверкой.

– Отмените посадку и выведите его в режим ожидания, – строго произнес Аслан.

Ольга Васильевна удивленно посмотрела сначала на него, а потом перевела взгляд на своего непосредственного начальника, не понимая, что происходит. «Хозяин» никогда не вмешивался в ход работы аэропорта, всегда наблюдая со стороны. Поэтому сейчас она не знала, как реагировать на его приказ, и ждала, что скажет начальник, но он почему-то молчал.

– Я повторяю. Перевести «Боинг» в режим ожидания! – почти прокричал Аслан.

Ничего не понимая, Ольга Васильевна, повернувшись к микрофону, стала отдавать новые координаты.

– Рейс «девятьсот шестьдесят шесть», вы еще здесь?

– Да.

– Мы должны изменить ваш курс. Из-за погодных условий посадка временно отменяется. Перейдите в режим ожидания, мы с вами свяжемся. Как поняли?

– Вас понял. Ухожу в режим ожидания, – ответил Михаил и потянул штурвал на себя, строя всевозможные догадки по поводу такого резкого изменения курса и отказа в посадке.

Набрав нужную высоту, он поставил самолет на автопилот, задав программу разворота, чтобы кружить над аэродромом до новых распоряжений диспетчера. Нажав кнопку внутренней связи, он вызвал стюардессу.

– Старшая стюардесса Лариса Красавина слушает, – ответили ему почти сразу.

– Доложите обстановку в салоне, – приказал командир.

– Пассажиры немного нервничают и спрашивают, почему мы не приземляемся.

– Объясните, что у нас все нормально, просто нам готовят новое место для посадки из-за непогоды.

– Вас поняла, командир. Можно выполнять? – спросила стюардесса и, получив утвердительный ответ, пошла в салон бизнес-класса, чтобы проверить сердечника. Но не успела она

подняться по лестнице, как ей навстречу выскочила ее подчиненная Леночка. С перепуганным видом она схватила ее за руку и, чуть ли не плача, стала говорить, немного заикаясь:

– Там... Там этому мужчине опять плохо, – она смотрела на Ларису испуганными глазами.

По ее виду Лариса поняла, что все серьезно, и бросилась наверх.

Зайдя в салон, она увидела уже знакомого ей доктора, который прощупывал пульс больному. Когда она подошла к доктору, он поднял голову и посмотрел на нее глазами, в которых читалось разочарование.

– Как он? – спросила Лариса.

– Плохо. Я дал ему лекарство, но сердцебиение не стабилизировалось, – ответил доктор, посмотрев на больного. Потом, поднявшись во весь рост, спросил: – Как вы думаете, когда мы приземлимся?

– Я... Я полагаю, минут через тридцать. – Лариса кивнула на сердечника: – Он сможет продержаться?

Врач посмотрел куда-то в сторону, прежде чем ответить, стараясь не встретиться с ней взглядом.

– Может быть, может быть, – наконец произнес он, но при этом очень неуверенно.

«Черт! Только что доложила командиру, что все в порядке, а тут опять угроза смерти пассажира, – злясь на все происходящее, подумала Лариса. – Не дай бог, что случится, все шишки посыпятся на меня. Надо узнать, когда посадка, может, еще и обойдется», – решила Лариса, направляясь к выходу.

Как только она появилась в туристическом классе, на нее со всех сторон посыпались вопросы:

– Скажите, а нам что, посадку не дают? Мы опаздываем уже на двадцать минут, когда мы наконец приземлимся? Вы можете объяснить, что происходит?

– Попрошу успокоиться, я сейчас все объясню, – сказала Лариса. – В связи с погодными условиями посадка временно задерживается. Нам готовят новую полосу для приземления, так как наша занята, – продолжала стюардесса. – Не расстраивайтесь, все под контролем наших пилотов.

После этого она постаралась как можно быстрее пройти через салон, потому что многие пассажиры, перебивая друг друга, продолжали задавать вопросы. Неожиданно кто-то схватил ее за руку.

– А ну-ка, объясни мне, красавица, я что-то не понял насчет посадки.

Лариса повернулась и увидела перед собой мужчину, на которого обратила внимание еще при посадке. Мало того что он был немного навеселе, так еще и приставал ко всем. Но девушка надеялась, что гуляка уснет во время полета, как это обычно бывает с такими пассажирами. Поэтому очень удивилась, когда он схватил ее за руку.

– Я сказала, что нам задерживают посадку. Вы просто неправильно меня поняли, – улыбаясь, ответила Лариса.

– Ну, тогда ладно, извините, – он отпустил ее руку. – У меня сын родился. Мне сегодня обязательно нужно попасть домой!

– Поздравляю, – сказала Лариса, собираясь уже уходить.

– Если что, я и самолет захвачу, лишь бы домой попасть, – тоже улыбаясь, предупредил он.

Лариса опешила от такого заявления, но потом, внимательно посмотрев на мужчину, поняла, что это была шутка. Посчитав разговор законченным, она прошла дальше.

Волнуясь, целую минуту Лариса стояла возле аппарата внутренней связи, набираясь смелости. Довольно глупая ситуация получилась. Пять минут назад она сказала командиру, что все в порядке, и тут на тебе, она сообщает, что один из пассажиров при смерти. Выходит, она

не знает, что творится в самолете? «А ведь я – старшая стюардесса», – поправляя галстук, подумала Лариса. Глубоко вздохнув, она нажала кнопку вызова.

– Товарищ командир, это Лариса. Что у нас с посадкой? – напрямую спросила стюардесса.

– Пока не знаю. А в чем дело? – Михаил понял, что это было не простое любопытство.

– У больного повторился сердечный приступ. Врач сказал, что он может не дотянуть.

– Вас понял. Сейчас запрошу землю, объясню обстановку и попрошу их поторопиться.

А вы пока идите к больному и находитесь рядом с ним. Все, отбой, – закончил переговоры Михаил и обратился к Виктору: – Вызывай диспетчера, будем запрашивать посадку.

– Понял, – ответил Виктор и тут же стал вызывать землю: – Диспетчера вызывает рейс «девятьсот шестьдесят шесть». Ответьте.

Прошло несколько минут, прежде чем раздался ответ:

– Слушаю вас, рейс «девятьсот шестьдесят шесть».

Виктор посмотрел на командира и, увидев, как тот ему кивнул головой, переключил прием на Михаила:

– Диспетчер, прошу срочную посадку. У нас пассажиру стало еще хуже, и он находится на грани смерти.

Некоторое время было молчание, а потом командир услышал в своих наушниках голос начальника аэропорта:

– Девятьсот шестьдесят шестой, на сколько часов полета вам хватит горючего?

«Странный вопрос», – подумал Михаил. Он снова посмотрел на показатели уровня топлива и тут же произвел обычный подсчет, все еще не понимая, к чему клонит начальник.

– Три с половиной – четыре часа.

После этого снова минутное ожидание, показавшееся вечностью. И тут Михаил вновь услышал голос диспетчера:

– Рейс «девятьсот шестьдесят шесть», в связи с погодными условиями посадка в нальчикском аэропорту отменяется, вы должны взять курс на Владикавказ. Они смогут вас принять, уже готовят посадочную полосу. Как поняли?

– Говорит рейс «девятьсот шестьдесят шестой». У нас на борту пассажир с сердечным приступом, в критическом состоянии. Мы не можем больше терять время, иначе он умрет. Необходима немедленная медицинская помощь. Я с уверенностью заявляю, что смогу посадить самолет в сложившихся погодных условиях, – начинал злиться Михаил.

– Слушайте внимательно, Стародубцев! – прозвучал грозный голос начальника аэропорта. – Вы должны выполнить указания диспетчера и встать на курс в сторону Владикавказа. Мы не можем рисковать жизнью двух сотен пассажиров из-за одного человека.

– Вас понял. Конец связи, – сказал Михаил, когда начальник закончил говорить. Он уже сообразил, что ему не удастся убедить их совершить посадку. Причина этого – не жизни пассажиров, а стоимость самолета. «Боинг», даже не новый, стоил не один миллион долларов, поэтому они не хотели рисковать своими деньгами, сажая его в непогоду, когда существовала опасность крушения.

До города Владикавказа, куда было приказано лететь, примерно два часа лету в такую погоду. Надо всего лишь обогнуть гору Гидантау. Но есть и другая воздушная трасса, сокращающая путь почти вдвое. Если пролететь между двух гор, Гидантау и Уню, тогда, возможно, удастся доставить на аэродром еще живого пассажира. Правда, в таком случае Михаил демонстрировал неподчинение указаниям диспетчера.

«Соответственно о том, чтобы быть дальше командиром «Боинга» можно сразу забыть, – размышлял Михаил, набирая среднюю высоту. – Ладно. Посмотрим. Время у меня еще есть».

Он нажал кнопку внутренней связи.

– Да, стюардесса Елена Богданова слушает, – прозвучал писклявый голос.

– Это командир. Срочно вызвать мне старшую стюардессу Ларису Красавину.

– Хорошо. Я сейчас ее позову, – ответила Лена слегка задрожавшим голосом.

«Угораздило меня появиться здесь именно в тот момент, когда сработал сигнал внутренней связи», – возвращаясь на рабочее место, подумала Елена. Она работала в бизнес-классе. Ей очень не хотелось казаться лентяйкой в этом новом коллективе, куда ее взяли благодаря маме – Ольге Васильевне, главному диспетчеру нальчикского аэропорта. Стоит только вспомнить, какие очереди выстраивались возле двери начальника, когда в их аэропорту появился гигант и красавец «Боинг-747». Все хотели там работать, но, к сожалению, мест было всего пять. А если учесть, что старшей стюардессой станет любовница начальника Лариса Красавина, то получалось и того меньше – четыре. И это на двадцать претенденток! Поэтому когда мать сообщила Лене, что та включена в экипаж «Боинга», девушка была на седьмом небе от счастья. Прямо в этот вечер она позвонила своему жениху Сергею, и он предложил отметить это событие в одном из летних кафе. «И зачем я только согласилась?» – корила себя Елена, вспоминая события недельной давности. Ведь чувствовала – что-то может случиться. Так оно и вышло...

Когда они с Сергеем зашли в кафе, Елена сразу обратила внимание на подвыпившую компанию, сидевшую за соседним столиком. Эти люди ей сразу не понравились. Она попросила Сергея пойти в другое место, но он, как мужчина, наотрез отказался, сказав, что не собирается из-за каких-то хулиганов уходить из любимого кафе. Елена понимала, что столкновение неизбежно, но ничего поделать не могла. Потом она еще раз попыталась уговорить своего жениха уйти, но он только разозлился. Закончилось все очень плохо. При выходе из кафе Сергей сцепился с этой компанией, кто-то ударил его ножом, а потом все разбежались. Рана оказалась несмертельной, но «Скорую» тем не менее вызывать пришлось.

Вот так ее назначение на этот самолет было окроплено кровью. Сегодня утром перед подготовкой к полету Елена тоже чувствовала приближающуюся опасность. И чем ближе они подлетали к Нальчику, тем больше усиливалась ее тревога.

Когда Елена поднялась в бизнес-класс и увидела там Ларису, внутренний страх охватил стюардессу настолько, что у нее затряслись руки.

– Что с тобой? – спросила Лариса, заметив, как ее подчиненная изменилась в лице прямо на глазах.

– Ни... Ничего, все в порядке, – с дрожью в голосе произнесла Елена.

– Ну я же вижу, что это не так, – Лариса повернула ее лицо к себе. – Командир накричал? Да ты не обращай внимания. Видишь, у них с посадкой что-то не получается, – почти прошептала Лариса, чтобы не услышали пассажиры, – вот и злятся.

– Нет, нет. Я не из-за этого. У меня свое, – попыталась отмахнуться Елена. – Кстати, тебя командир вызывал. Меня попросил, чтобы я тебя нашла.

– А зачем вызывает, не знаешь? – с интересом спросила Лариса.

– Не знаю. Сказал только, чтобы срочно пришла. – Елена развела руками, как бы подтверждая свои слова.

«Ну и денек сегодня!» – подумала Лариса, спускаясь в туристический класс. Проходя между рядов, она снова обратила внимание на симпатичного парня в третьем ряду. «Скорее, даже не парень, а молодой мужчина, – решила Лариса, подумав о своем возрасте. – Но все равно хорош. В нем чувствуется настоящий мужик, которых сейчас по пальцам можно пересчитать», – продолжала думать о нем Лариса, подходя к аппарату внутренней связи. «Зачем я понадобилась командиру?» – терялась она в догадках, снимая трубку.

Когда прозвучал сигнал ответной связи, она серьезным голосом произнесла:

– Старшая стюардесса Лариса Красавина слушает. Вы меня вызывали, товарищ командир?

– Да, вызывал, – ответил Михаил. – Слушайте меня внимательно: в связи с погодными условиями нам отказано в посадке на нальчикском аэродроме, а приказано лететь во Владикавказ, где для нас готовят запасную посадочную полосу. Пока все понятно? – спросил командир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.